
Величайший биолог Чарльз Дарвин

Александр Федорович Котс

Передо мной — две книги, представляющие каждая большую библиографическую редкость. Обе знамениты, каждая по своему.

Одна, рожденная великим гением, другая — изуверством.

Там — проникнутая жаждой истины, здесь — лицемерием.

Там — обращение к господству разума, здесь — суеверия.

Одна — как плод великого ума, другая — величайшего безумия.

Вы спросите: Кто авторы этих обеих книг и что это за книги?

Начинаем с той, которая посвящена обману, лицемерию и изуверству.

Перед нами книга **трехсотлетней** давности ученого XVII-ого Века, Атаназиса **Кирхера**.

Одетая в пергамент, она видимо рассчитана на то, чтобы переживать века. А содержание этого тома?

Оно явствует из самого его заглавия.

Перевожу с латинского:

«**О Ноевом Ковчеге**»

в трех книгах, из коих

I. О происшествиях до потопах,

II. О том, что происходило во время потопа

III. О том, что совершено после потопа Ноем

все по новой методе не без крайнего разнообразия аргументов объяснено и показано.

Очень знаменательна пометка цензора на тыльной стороне заглавного листа, свидетельствующая о разрешении к печати этого своеобразного труда: **Рим**, 20 Ноября 1669 года.

Опуская рабье посвящение, адресованное одному из самых жалких коронованных ничтожеств, королю австро-испанскому, Карлу II-ому, переводим взгляд на содержание книги.

Перелистывая пожелтевшие ее страницы, недоумеваешь, чему большее изумляться: глупости ли текста, или таковой рисунков.

Чтобы дать понятия о тексте, здесь достаточно лишь привести отдельные подзаголовки:

«О гигантах» (т.е. великанах), живших до потопа.

«О строительном материале для Ноева ковчега.»

«О размерах, объеме и протяжении Ковчега»

«О внутреннем его устройстве»

«О животных, введенных в ковчег и четвероногих, которые, как думает, не были упрятаны в ковчег»

Пропуская ряд подобных бредней, остановимся на двух страничках, завершающих весь этот бред.

Под заголовком:

«Хронология — краткая и точная всех патриархов от Адама и до смерти Ноя.»

Мы находим тщательнейший перечень так наз. «патриархов», т.е. фантастических потомков фантастического Адама с аккуратнейшим, точнейшим указанием годов рождения, длительности жизни каждого из них.

И глядя на все фантастические цифры, поражаешься невольно двум вещам: осведомленности нашего автора, которой мог бы позавидовать любой столичный «Загс», любое паспортное отделение Милиции, и продолжительности жизни приведенных лиц.

Так для Адама мы находим цифру 930 лет, для Ноя — 950, почтенный возраст, уступающий однако продолжительности жизни некоторых особ (до 1000 с лишним лет!)

Но переводим взгляд на иллюстрации.

Начнем с конца.

Вот — перспективный план «Сада Эдемского», или иначе «Райского».

Среди скучнейшей и бесплодной котловины, окруженной голыми горами, наподобие маньчжурских сопок, небольшой участок четырехугольной формы, огороженный глухим забором, вопиющим по бездарности архитектуры.

Каждый из четырех сторон ограды снабжена проломом, представляющим «ворота». Перед каждыми воротами — крылатая фигура, представлявшая «херувима», охраняющего вход. Внутри ограды, окруженные подстриженными деревьями, две неотягченные одежды фигуры фантастических библейских прародителей, **Адама** и **Эвы**, представляемых как раз в момент вручения Адаму яблока его доверчивой супругой, по предательскому наущению «Змия-Искусителя», представленного в форме головастого удава на увешанном плодами «Дерева познания добра и зла».

А по ту сторону ограда, вне ее — блуждает всевозможнейшие звери, почему то помещенные вне «рая», как и ряд людских фигур, имеющих изобразить судьбу потомков «райских прародителей» после изгнания из рая.

Такова бездарная, наивная трактовка древнего библейского сказания о сотворении человека и животных, темы, бесконечно много раз использованной величайшими творцами кисти от Рафаэля, Рубенса до Васнецова.

Но оправданная в свое время, как сюжет для поэтического вымысла и творчества художника, эта тематика в попытке поднести ее в научных целях — равно неприемлема для человеческого чувства, как и человеческого разума, являясь подлинным ударом по рассудку и по эстетическому восприятию..

Но как ни грубы и бездарны эти фантастические бредни и каракули, они бледнеют перед следующими таблицами, имеющими пояснить строение ковчега, помощью которого его строитель, Ной, по повелению свыше должен был не только сам спастись со всеми домочадцами, но уберечь от потопления по паре представителей всех сухопутных обитателей Земли.

Тут и точнейшие строительные чертежи и планы самого «ковчега», и расчеты, поясняющие диаграммно свойства и характер упаковки всевозможных видов фуража, потребного животным.

Но, конечно, самые потешные, или, вернее, омерзительные, две последующие таблицы, представляющие **внутренность** ковчега при рассматривании его в разрезе, и посадку, размещение в нем пассажиров.

Первая рисует нам всех обитателей ковчега, размещенными по своим камерам, или кабинам, без особого учета, или соблюдения пропорций и размеров тех, или иных животных: **голуби** и **гуси**, по величине не уступающие **носорогам** и **слонам** и в сходных по размерам камерах!

Вторая, еще более занятая и глупая (вернее: гнусная!) таблица поясняет технику загона или привлечения обитателей ковчега внутрь этого последнего.

На фоне идиллического пейзажа, со служебными постройками на заднем плане, высится ковчег в его готовом виде.

Самые разнообразные породы птиц толпятся в воздухе, готовясь опуститься на его покато-скошенную крышу, на которую уже присела часть пернатых, раньше прилетевших.

На переднем плане собираются все прочие животные, строго «по паре», будь то змеи, черепахи, львы, слоны, или верблюды...

Тут же сам строитель — «капитан» ковчега **Ной** и часть его семейства, домочадцев, мешкающих вопреки призывам или уговорам, выдающимся в позе и пантомимике главы семейства.

Обсуждать критически все эти иллюстрации, конечно, не приходится.

Их глупость и бездарность до того рекордны, что не подлежат ни критике, ни обсуждению, и, казалось бы, что книга **Кирхера** способна возбудить только усмешку, как невольно улыбаемся мы, видя первые наивные рисунки нашей детворы..

Такое мнение было бы неверно. Не улыбку и не смех, но возмущение и гнев рождают и поныне перелистывания книги **Кирхера**: не только глупостью, но величайшей гнусностью овеяна она во мнении каждого, знакомого с историей и дорожащего свободой умственной культурой человечества.

И поводы, или причины этого негодования двоякие:

Обидно думать, что писались, набирались кирхеровы бредни о ту пору, когда человечество уже имело гениев, подобных **Кепплеру** и **Галилею**, **Бэкону**, **Спинозе** и **Декарту**. Что печаталась макулатура Кирхера в ту пору, как великий **Ньютон** уже осознал законы мирового тяготения.

И в этом смысле книга **Кирхера** явилась даже для своей поры пощечиной по интеллекту Западной Европы.

Но имеется еще другая основа для возмущения: мы разумеем нравственную сторону вопроса.

И на самом деле. Пусть не скажут нам: Что в том, что книга Кирхера есть порождение невежества и суеверия! Не первая она и не последняя этого рода! Мало ли печаталось и издавалось книг, нелепых, глупых по заданию и выполнению.. Не даром говорит старинная пословица: «Имеют книги свои судьбы!»

Да, конечно, но при обязательном условии **свободной** конкуренции отходных «шлаков» умственной культуры и ее «жемчужин»..

Есть народная пословица: «Не любо не слушай, а врать не мешай!» и в мире повседневного, практического быта поговорка иногда имеет кое-что и за себя...

Не то — в вопросах умственной, или что то же нравственной культуры в жизни целого народа, на известных рубежах его истории.

И, возвращаясь к занимающему нас примеру, здесь достаточно спросить: Что представлял собою автор сочинения «**О Ноевом Ковчеге**»?

Автор этой книги — был «ученым» иезуитом, представителем самой воинствующей касты угнетателей духовной умственной культуры, членом Ордена, имевшего неограниченную власть не только над духовным миром, но и жизнью миллионов населения Европы.

Основным девизом иезуитов было: принуждать людей не только слушать то, что было им нелюбо, но и исповедовать заведомую ложь.

Тюрьмой и пыткой добивались иезуиты через вдохновлявшуюся ими инквизицию трупной покорности, железом и огнем выпалывая, выжигая все инакомыслящее, непослушное, неразделяющее догматы единой, всепасающей, «святейшей» инквизиции. Костры пылали и на фоне их зловещих отблесков фантазии и бредни Кирхера теряли свою кажущуюся невинность: вынуждаемая глупость превращалась в гнусность, декретирование лжи — в заведомое преступление.

Вот почему, просматривая, перелистывая Кирхерову книгу ныне, двести с лишним лет после ее издания, мы словно чувствуем себя овеянными горечью и возмущением ее былых читателей, безывестных жертв духовного насилия и гнета, этой худшей тирании в сфере умственной культуры.

Таковы идеи, мысли, чувства и суждения, вызываемые книгой **Кирхера** «О Ноевом Ковчеге.» Подкрепленная кострами инквизиции эта попытка иезуитов подвести под легендарное сказание о «Потопе» мни-

мое подобие научной базы поучительна, как образец научного обскурантизма и морального убожества той власти, что когда то долгими веками управляла умственными центрами всей Западной Европы.

В этом смысле книга **Кирхера** — наглядная лишь иллюстрация того, чем может стать наука и культура для людей предвзятой мысли и кастрированной совести.

Но переводим взгляды на вторую книгу.

Небольшая, скромная по виду, в потускневшем коленкоровом зеленом переплете, эта книга по наружности ничем не выделяется от множества других английских книг середины прошлого столетия в их массовом стандартном оформлении.

И все же эта книга — есть единственная в своем роде: **первое** издание знаменитой книги **Дарвина**: «О Происхождении Видов», книги, увидевшей свет 90 лет тому назад и разошедшейся, распроданной в день опубликования.

Громадная библиографическая редкость — перед нами третий экземпляр, имеющийся в Москве, этот зеленый томик означал переворот в науке и в истории научного мировоззрения.

И оценить, понять значение этого переворота можно всего лучше, сопоставив книгу **Дарвина** с фолиантом Атаназиуса **Кирхера**.

И в самом деле, нелегко вообразить отличия, более резкого, чем то, что разделяет содержание обеих книг.

Там, в книге иезуитского ученого 17-го века утверждение незыблемости мироздания, неподвижности живой природы, навсегда навеки неизменной и застывшей.

Здесь, у **Дарвина** отстаивание вечной смены и изменчивости всей живой Природы, а тем самым изменчивости мироздания. Там, у **Кирхера** замаскированный лишь с виду а на деле властный и категорический приказ: **принять на веру** догматические утверждения.

Здесь, у **Дарвина** — стремление **убедить** читателя в разумности и уважительности приводимых доводов.

Там, в книге католического иезуита — полное презрение к читателю, его критическим способностям, пытливости ума, духовной личной инициативе...

Здесь, у **Дарвина** готовность автора прислушаться к сомнениям читателей, стремление сделать их **судьей** и критиком воззрений, проводимых в книге.

Говоря короче: Там, у **Кирхера** господство догмы и приказа, здесь, у **Дарвина**, — сомнения и критики.

Неудивительно, если и выводы, итоги содержания обеих книг диаметрально противоположны:

Там, у **Кирхера**, извечная неподвижность и покой природы, мертвенная и мертвящая застылость мысли о ее прошедшем, или будущем.

Здесь, в **Дарвиновой** книге, вечное движение всего живущего и бесконечные просторы творчески сменяющихся мыслей и свободы человеческого разума.

Естественно спросить: в чем заключалась эта освежающая мысль, брошенная **Дарвиным** в культуру человечества, в чем главные достоинства и ценность Дарвинизма, и какие факторы и обстоятельства содействовали небывалому его успеху?

И другой вопрос: в чем изменились внешние условия культуры, экономики и быта Западной Европы, допустившие возможность замещение книги католического богослова таковой английского натуралиста?

Разберем отдельно, порознь, указанные здесь вопросы.

Мы начнем с последнего.

Три обстоятельства содействовали появлению книги **Дарвина** в середине прошлого столетия. Но оценить их можно только сопоставив время **Дарвина** с предшествовавшей эпохой и коснувшись вкратце неудачи трех ближайших выдающихся предшественников Дарвина, в различной мере предвосхитивших его идеи.

Начинаем с имени натуралиста, самого типичного для XVIII-го Века, с имени прославленного **Бюффона**.

Выдающийся ученый-популяризатор и стилист, достойный стать бок о бок с величайшими прозаиками Франции, **Бюффон** в своем гигантском сочинении («Естественной Истории»), которым одинаково зачитывались и в мансардах, и дворцах, пытается отстаивать идею изменчивости мира и живых существ.

Уверенными, яркими штрихами он набрасывает грандиозные картины формирования Земли, как некогда возникший из расплавленного состояния, постепенно охлаждаясь, земной шар лишь постепенно принял современный вид и нынешние очертания морей и континентов, сделавших возможным появление жизни, фауны и флоры, изменения ее в течение миллионов лет и по законам, подлежащим и доступным пониманию нашему уму...

Но, как ни скромны были эти первые попытки подчинить научной критике и трезвому рассудку тайны мироздания; как ни пытался сам **Бюффон** маскировать свои свободомыслящие взгляды символическими гравюрами, или заставками благочестивого характера, они не в силах были уберечь ученого от сыщичьего взгляда иезуитских цензоров.

И призванный по повелению епископа парижского к ответу за свои «безбожные» воззрения **Бюффон** склонился перед требованием церкви, подписал свое насильственно исторгнутое отречение..

Могучая лишь с виду, сильная своим союзом с королевской властью, церковь была так слаба на деле, что боялась даже... свободы научного исследования!

На примере царедворца и ученого-писателя **Бюффона** мы имеем показательный пример влияния церкви на науку и на судьбы эволюционного учения.

Не менее трагично проявилась тиранима **светской власти**.

В этом убеждает нас судьба другого провозвестника идеи эволюции, **Ламарка**.

Выдающийся ученый, заслуживший прозвище «французского Линнея», реформатор Зоологии беспозвоночных, автор замечательных трудов по Систематике, **Ламарк** был первым подлинным предшественником **Дарвина**, подобно Дарвину отстаивая беспредельную изменчивость живого мира, постепенное происхождение человека от далеких вымерших животных предков.

И, однако, в полное отличие от описательных трудов, научно-философские воззрения **Ламарка** причинили ему только горе, и не только оставаясь без внимания со стороны ученых, но и вследствие чрезмерного внимания Бонапарта.

Здесь достаточно напомнить сцену аудиенции **Ламарка у Наполеона** на приеме академиков, когда на поднесенную ему, Наполеону, книгу (полагает, что последняя была как раз злосчастная «Зоологическая Философия»..) надменный коронованный диктатор бросил старому ученому уничтожающую реплику:

— «Я принимаю эту книгу только во внимание к Вашим сединам! Вы позорите их! Берите!» — протянул он книгу адъютанту...

Более, чем вероятно, что за этим властным окриком Наполеона укрывалось мнение великого законодателя науки того времени — **Кювье**.

Противник историчности живого мира, этот величайший классик эмпирического знания и гениальный карьерист по линии общественной, отлично уживавшийся при всех режимах Франции, **Кювье** объединялся с Бонапартом лицемерным взглядом на религию:

«Surtout, ne touchez pas ma Bible!»

«Главное — не касайтесь моей Библии!» сказал однажды Бонапарт в кругу ученых-академиков.

И все же, как ни оскорбительны и тяжки были эти цепи, налагавшиеся на свободу мысли светской и церковной властью, еще тягостнее и обиднее ложились на свободу знания оковы от самой науки там, где, как во Франции минувшего столетия, централизация всей умственной, духовной жизни отвечала монополия научных знаний Академией Наук в Париже.

Словно предостерегая от осуществления **контовского** идеала о создании ареопага управителей и цензоров научной мысли, Франция времен Наполеона и его преемников в широкой степени приблизилась к такому состоянию, удачно названному «Католичеством без Христианства».

Только этим гнетом Академии возможно объяснить то дружное молчание, которым встретили во Франции «Зоологическую Философию» **Ламарка**, как и то, которым проводили ее автора в безызвестную могилу.

И не тот же ли **Кювье**, так ярко воплощавший власть академической науки, преградил дорогу третьему защитнику идеи эволюции, другу **Ламарка**, — **Сент-Иллеру!**

Этот замечательный ученый, некогда сопровождавший Бонапарта в Африку и описавший фауну Египта, человек большого и гуманного характера, не побоявшийся призвать в Париж своего будущего недруга — **Кювье**, этот его соратник, так великодушно посвятивший свой последний труд своему ранее умершему идейному противнику, не он ли побежден был гением **Кювье** в известном споре в Академии Наук в Париже?

Согласимся, что значительная часть вины означенного поражения падала на долю Сент-Иллера, разделявшего всю силу и все слабости «натурфилософов»: богатство мыслей, ширь исканий, смелость обобщений наряду с туманным стилем, скудостью фактических обоснований.

И, однако, сходные же недостатки не мешали ряду выдающихся натурфилософов соседних стран пробиться со своими взглядами, отчасти еще более абстрактными, и только потому, что смелости полета мысли не переграждала путь академическая деспотия.

Таковы три неудачных выступления в сторону установления принципа эволюции в науке о живой природе, три попытки трех известнейших биологов: **Бюффона, Сент-Иллера и Ламарка**.

Не касаясь недостатков и несовершенств, ошибок или промахов самих этих ученых, обусловивших отчасти безуспешность их, как реформаторов науки, следует отметить три момента, три преграды, о которые разбились дарования и смелость этих трех натуралистов:

Деспотия светской власти (Столкновение Ламарка и Наполеона)

Тирания Церкви (вынужденное отречение Бюффона!)

Гнет академической науки (Спор Кювье и Сент-Иллера в Академии Наук в Париже!)

Таковы три основных преград, три роковых культурно-исторических «шлагбаума», одолеть которые явилось не под силу ни придворным связям и блестящему перу Бюффона, ни умеренности и таланту Сент-Иллера, ни упорству и познаниям Ламарка.

Тем необходимее отметить, что в отличие от Франции, культура Англии эпохи **Дарвина** не знала этих политических барьеров.

Англиканские епископы, при всей церковной их ортодоксальности, не предъявляли ультиматумов ученым, «Век Виктории» не походил на Век Людовиков, или Наполеонов, и великий дарвинист, союзник Дарвина, мог, защищая Дарвина от беззастенчивых нападков на него французских академиков, воскликнуть: «Слава Богу, что у нас нет в Англии Академии!»

Это не значит, что ко времени издания Дарвиновой книги не имелось в Англии враждебных для нее кругов и голосов.

Известно, каким яростным нападкам подвергалась эта книга Дарвина среди церковников и части примыкавших к ним ученых.

И, однако, вся эта война велась **идейными**, а не физическими средствами, и запретить печатание книги Дарвина, или ее распространение лишь потому, что его взгляды расходились с общепринятыми, было также невозможно, как опровержение их от имени отсутствовавшей Академии.

Имелась, правда, в Англии своя особая и специфическая тирания нравов, выражавшаяся в охранении внешних форм морали, в избегании всего противоречившего общепринятым суждениям и порядкам, в избегании всего, могущего «шокировать» общественное мнение.

И все же приводившая порою к осязательным последствиям, как в жизни Байрона, или Оскара Уайльда, эта специфическая для Англии общественная деспотия нравов не касалась высшей области науки, а при

столкновении ее с вопросами религии почтенной англиканской церкви не чуждалась и формальных компромиссов.

Таковы причины, облегчавшие успешность выступления **Дарвина**, вернее не препятствовавшие таковому.

Но имелись **три** дальнейших обстоятельства прямым путем содействовавшие его успеху.

И причины эти коренились столько же во вне, как и в самом характере и даровании **Чарльза Дарвина**.

Причины внешние — лежали в политических, общественных, экономических условиях тогдашней Англии, жизнь которой развивалась в разбираемую пору под тройким знаком или лозунгом:

Развития **капитализма**, перехода сельского хозяйства и промышленности на начала крупной индустрии.

Усиления **империализма**, расширения колоний и борьбы за мировые рынки, и, как следствие этих обеих предпосылок, или их причина:

Роста **утилитаризма**, специфически английского подхода к пониманию общественных явлений и научных истин с точки зрения ближайшей их «полезности».

Можно уверенно сказать, что только этой дорогой ценой Империализма, Утилитаризма и Капитализма Англии, могло сложиться величавое учение **Чарльза Дарвина**.

Влияние **империализма**, экспансии Англии в заокеанских странах и толкавшее к организации разведочных, исследовательских экспедиций в отдаленнейшие страны, дало повод в частности, и к кругосветному прославленному рейсу **Дарвина** на «Бигле», путешествию, сыгравшему решающую роль в жизни и творчестве великого ученого.

Влияние **капитализма**, переход промышленности, как и сельского хозяйства Англии на рельсы крупной индустрии, вызвало переворот в животноводстве и растениеводстве, породивши множество пород животных и сортов растений помощью приемов, натолкнувших Дарвина на допущение сходного процесса изменений организмов при естественных условиях.

Влияние **утилитаризма** отразилось в доводах и объяснениях Дарвина, им приведенных для истолкования процесса изменения природных организмов и сведении его причин к привычкам, признакам и органам, **полезным** в данной обстановке и при данных жизненных условиях.

И все же, как ни общеприняты эти политико-общественные предпосылки для возникновения учения **Дарвина**, решающим условием его успеха были личные достоинства и дарования ученого.

И в самом деле. Хорошо известно, что десятки рекогносцировочных судов в разное время отправлялись Англией в исходе 18-го Века и начале 19-ого в отдаленнейшие страны и в сопровождении крупнейших, выдающихся ученых ...

И, однако, только молодому **Дарвину** дано было использовать одно из этих путешествий для двоякой цели: как прекрасной школы обучения для самого себя и как «плавучей колыбели» своего учения.

Известно, что родившись в более, чем состоятельной семье с большой и многовековой культурой, юный Дарвин далеко не сразу смог определить свое призвание, колеблясь между званием врача, священника, спортсмена и натуралиста.

Хорошо известно, как осекшись на образовании врачебном, бросив медицинский факультет и поступив на богословский, **Дарвин** в обладании богословского диплома стал готовиться в священники, когда внезапно им полученное приглашение к участию в кругосветном плавании единым взмахом изменило всю карьеру и путь жизни молодого богослова.

Это пятилетнее ответственное путешествие на «Бигле» стало, как известно, поворотным пунктом в жизни Дарвина, решающим условием для его творчества, как реформатора науки о живой природе.

Тем уместнее эскизно очертить главнейшие моменты этого прославленного плавания Дарвина на Бигле и напомнить основные факты, или наблюдения, внушившие когда то юному натуралисту величавую идею эволюции живого мира.

Три явления живой Природы посещенных стран, три наблюдения оставили особенное впечатление у молодого **Дарвина**:

Сменяемость животных форм по мере продвижения с Севера на Юг.
Связь вымершей и современной фауны той же местности и
Замечательная фауна Галапагосского Архипелага.

I. — Факт сменяемости фаун на смежных территориях.

Позвольте пояснить это явление примером, взятым из отечественной фауны.

Мысленно вообразим себя на положении едущих из наших мест, московской области, к Востоку, в Зауралье, к Западной Сибири.

Выбираем пару наиболее общеизвестных наших певчих птиц: обыкновенную **овсянку** и **синичку**.

Перед нами светлая поляна подмосковной рощи, вся облитая весенними лучами солнца, вся охваченная несмолкаемым ликующе сливающимся пением птиц... Большая часть их укрывается в листе, только немногие поют открыто на виду. И среди них, этих доверчивых певцов, Вам всего чаще удалось бы увидеть **овсянку**, ростом с воробья, более стройную и длиннохвостую, с невзрачной воробыиной спинкой, желтым низом и такой же ярко-желтой шапочкой на голове.

— Ти-ти-ти — тиинии! Ти-ти-ти-тиинии! Однотонно-мелодически звучит ее меланхолическая песенка, без устали, снова и снова повторяемая с упоением маленькой желтушкой, так доверчиво устроившейся на ближайшей веточке березы в нескольких шагах от Вас...

Теперь попробуем перенестись воображением в березовые «колки» юго-западной Сибири, где-нибудь в окрестность **Омска**, в его скудные березовые рощицы, какими они были полстолетие тому назад в воспоминании пишущего эти строки...

Та же ранняя весна...но не приветливая теплая весна «России», а холодная весна Сибири, неприветливая и суровая, с обильными следами снега по лощинам и холодным ветром, дующим от Иртыша.

Чужим, заброшенным невольно чувствуешь себя в этой чужой, суровой, неприветливой природе, чувство одиночества, тоски охватывает Вас. Но вот с ближайшей веточки едва лишь распустившейся березки донеслась до Вас знакомая «московская» бесхитростная песенка:

— «**Ти-ти-ти**-тиинии! Ти-Ти-Ти-Тиинии!»

Оживленным взором ищите Вы милую певунью. Сидя против солнца, она кажется неотличимой от московской: тот же склад и тот же нрав, манера выбирать для пения конец горизонтально-низко распростертой ветки.

Но зайдя спиной к свету, Вы тотчас же убеждаетесь, что птичка та же и не та! На место желтой шапочки и желтой грудки — шапочка и грудка **белые**, как будто холода Сибири заменили золото Москвы окраской, больше отвечающей Сибири.

Перед Вами «**Белошапочная Овсянка**», заменяющая по ту сторону Урала нашу желтую овсянку, свойственную всей Европе.

То же и с другою птичкой, также из числа легко и часто попадающихся на глаза.

«Зи-зи, зи-зи! Зи-зи, зи-зи!» несется с более высоких веточек берез, или густого тальника.. И тут же целою гурьбой проносится перед глазами Вашими кампания веселых, юрких головастых птичек с желтой грудкой и лазурно-голубой окраской крылышек и хохолка..Наша обыкновенная **Лазоревка**, одна из наших самых ярких и обыкновеннейших синичек:

Мысленно опять перенесемся по ту сторону Урала, снова сходные призывы маленьких «разведчиков» с ветвей березок, снова Вы готовитесь приветствовать старых знакомых подмосковных рощ и снова убежда-

есть, что мнимые знакомые уже не те: все голубые партии остались, желтые же заменились белыми, что безусловно повышает эффективность целого: настолько выгоднее это сочетание белоснежных партий и лазури крылышек и хохолка.

В этой прелестной кобальтово-белой птичке Вы имеете так называемую «**Белую Лазоревку**», сменяющую на Востоке нашу желтую, или зеленую Лазоревку, распространенную по всей Европе.

В приведенных двух примерах мы имеем взятые из нашей фауны иллюстрации географически сменяющихся форм («Географический Викариат»), явление, так поразившее когда то молодого Дарвина во время путешествия его по Аргентине и Бразилии.

Эта сменяемость животных видов, или «разновидностей» при постепенном продвижении с Севера на Юг, будь то различные породы местных страусов, или мелких птичек-Пересмешников, глубоко поразила Дарвина, заставила задуматься над изменяемостью у животных вообще.

Но еще больше поразило Дарвина распространение животных, разобщенных внешними физическими границами, будь то высокими горами, или океанами.

Четыреста миль к Западу от Южной Америки, располагаясь под самим экватором, едва виднеясь, высится среди океана крохотная группа островов — **Архипелаг Галапагосский**. («Черепаший»)

«Конец мира» — по обозначению американцев.. Острова все вулканические и со скудную растительностью, без малейшего следа влияния тропиков.. И в соответствии с этой невзрачной, сумрачной природой островков, созвучно темным лавам и базальтам, обращает на себя внимание темная, невзрачная окраска их животных обитателей.

Сливаясь по окраске с туфами и лавами виднеются несметные скопления морских огромных ящериц по неприветливым прибрежным скалам и гигантских черепах, бродящих по бесплодным, словно опаленным склонам гор. Ни одного наземного млекопитающего, а среди немногочисленных пернатых — темные и тусклые цвета окраски лавы и базальтов.

Даже оперение чаек, столь типичное для этих птиц, окраска, словно закрепившая лазурь небес и пену волн, землисто-темное, невзрачное.

Но самым замечательным в этом отрезанном от мира уголке Природы оказалось большинство наземных птичек: мелкие пичужки типа наших зерноядных птичек: «Земляные Вьюрки» («Геоспицы») — как обозначают их в науке.

Несколько десятков видов или «разновидностей» их водится на разных островах, и что ни остров, то своя порода, то размерами со Снегиря, то с чижики, или чечетки, с клювами, то стройным, как у двух последних птиц, то со вздутым и массивным типа клюва наших дубоносов.

И присматриваясь к этой странной фауне столь изменчивых по виду птичек, **Дарвин** убеждается, что все они американского происхождения и только постепенно изменились на отдельных островах.

И стоя на пустынном побережье этих затерявшихся в морских просторах островов и вдумываясь в странное, причудливое население архипелага, всматриваясь вдаль, пересекая мысленно пространства, отделяющие их от Кордильеров, **Дарвину** невольно чудится, будто попал он в некую природную лабораторию формирования новых видов, или разновидностей за счет случайных колонистов, занесенных бурями с соседнего материка — Южной Америки.

Процесс видообразования Дарвин словно застаёт здесь на ходу, на этих затерявшихся в безбрежном океане островках Галапагосского Архипелага.

И еще одно решающее наблюдение из множества других, здесь не упоминаемых за недостатком времени и места.

Дарвин — за раскопками.

Знойное небо Аргентины. Раскаленные пески и камни-красные песчаники и глины, и склоненная фигура молодого **Дарвина**, безмолвно погруженная в раздумье.

А задуматься имелись основания. Незадолго перед тем он вырыл из песков безводной раскаленной пампы груды ископаемых костей каких то вымерших четвероногих чудищ, вымерших Млекопитающих громадного размера, но принадлежащих к тем же группам, что и ныне хорошо представлены в американской фауне: муравьедов, броненосцев и ленивцев...

И опять, и снова творческая мысль восполняет недосказанное фактом эмпирического наблюдения.

Эти вымершие «Левиафаны», эти современные «Пигмеи» той же группы, эта связь, эта зависимость животных **той же** группы, **той же** местности — как объяснить ее научно, исторически?

И снова, устремляя мысленные взоры, но уже не вдаль страны, а вглубь веков, пронизывая взором долгие века, **Дарвину** кажется, что он воочию присутствует при **историческом** процессе смене фаун, их медленного вырожждения от былых гигантов до теперешних пигмеев..

«Гамлетова сцена» из жизни молодого Дарвина.

Дарвин — один в пустыне. Высоко над ним пылающее солнце, далеко вокруг безжизненные раскаленные пески и камни и затерянная среди них фигура юного натуралиста, именем которого позднее назовется целое столетие.

Дарвин — за раскопками, за находением обломков черепа гигантского животного, и это чудище шепнуло Дарвину идею эволюционного развития живого мира.

Таковы три поворотных пункта в кругосветном путешествии юного Дарвина на «Бигле»: констатация закономерной смены фаун в широтном направлении в Южной Америке, установление связи вымершей и современной фауны в той же местности и изучение фауны Галапагосского Архипелага.

Три открытия, три наблюдения, три вехи, три ответа в направлении решения проблемы, над которой тщетно бились величайшие умы.

Но удалось на этот раз решение проблемы только потому, что не в пример своим предшественникам, **Дарвин** обратился за решением вопроса не в музеи, и не к книгам, а к самой природе в ее вечном, нескончаемом богатстве и многообразии. И лишь опрошенная непосредственно, в упор, она не скрыла своего ответа и доверила его пытливому уму и сердцу молодого энтузиаста.

Оставляем в стороне вопрос, насколько путешествие на «Бигле» заронило в Дарвина саму проблему эволюции живого мира, а не только верное ее решение.

Есть основание предполагать, что самая идея эволюции была заронена в ум молодого Дарвина еще в студенческие годы, в Эдинбурге, когда, слушая рассказы о Ламарке и при том в похвальном тоне, он, быть может, сам того не сознавая, (по его же собственным словам..) мог быть охвачен этими идеями, чтобы впоследствии отстаивать их в новой форме.

Повторяем: генезис идеи эволюции в уме и сердце молодого Дарвина не поддается ныне точному установлению.

Но что идея эта, мельком зароненная когда то в юности, со стороны, окрепла и укоренилась в новой плодотворной форме лишь во время путешествия на «Бигле» может почитаться точно установленным.

Однако, предстояло разрешить другой вопрос: проблему подлинной **причины** эволюции, после того, как **факт** ее был прочно установлен.

И опять, как и по первому вопросу, время, или место зарождения этой «объясняющей» теории не поддаются точному учету.

Хорошо известно, что сам **Дарвин** связывал идею о «Борьбе за Жизнь» в мире организмов со случайно им прочтенной книгой Мальтуса, политика-экономиста, сочинение которого («О Народноселении») было в большом ходу среди читающих кругов тогдашней Англии.

Руководящая идея этой книги — диспропорция, несоответствие между рождаемостью и выживаемостью всех живых существ, и в частности людского населения, хотя и ложная по существу, бесспорно повлияла на концепцию «Борьбы за Жизнь» в сочинениях Дарвина.

И все же, как в вопросе о самой идеи эволюции, мы затрудняемся сейчас установить, какая доля этого учения внушена была **Ламарком**, и какая «**Биглем**», так и по вопросу о «причинах эволюции» мы затрудняемся решить, что в этой объясняющей Теории «Борьбы за Жизнь» результат прочтения книги Мальтуса, и что самостоятельного изучения Природы, будь то на усеянных костями берегов Параны, будь то на курятниках и голубятнях Дауна.

Мы подходим ко второй историко-культурной предпосылке, обусловившей учение **Дарвина**, подъему крупного английского животноводства на пороге XIX-го века, как одной из форм развития английского капитализма.

Это обращение к одомашненным животным для познания их диких родичей не было чуждо и предшественникам Дарвина, но только автору «Происхождения Видов» суждено было использовать так плодотворно эту игнорированную большинством ученых сферу знаний.

И вот, ища ответы на вопрос о подлинной причине эволюции живых существ, **Чарльз Дарвин** отворачивается от «Бигля» и всецело переводит взгляд на те причудливые существа, которые лишь незадолго перед тем явились как естественный продукт стремительного роста и развития промышленности Англии.

Эти громады туш свиней «Йоркширов» и «Беркширов», эти горы мяса у рогатого скота Герфордов, Абердинов и Суссексов, эти груды шерсти у овец Лейчестеров, Суффолков и Дорсетов, эти лошади-гиганты типа Клайдсдалей, или легкие, поджарые по типу знаменитого «Экклипса», или, обращаясь к обитателям английских птичников: эти громадные, лохматые, поющие «октавой» петухи породы «Брама» или «Кохинхинов», эти изукрашенные пышными султанами породы «Польские» и «Падуанские», эти бесформенные, или движущиеся от жира утки «Эйльсбюри», эти бесчисленные расы голубей и канареек отразившие все бесконечное разнообразие понятия пользы, вкуса, прихоти, каприза их владельца-человека, все эти причудливые существа приковывают взгляды Дарвина в двойном отношении, в двойном аспекте: целесообразностью их свойств и механичностью их получения.

Дарвина охватывает мысль, что и дикие животные в естественных условиях сложились медленно и постепенно в результате факторов, аналогичных тем, которым обитатели хлевов и птичников обязаны своим происхождением.

Каково же это прошлое? Когда и как произошли домашние породы лошадей, рогатого скота, овец, свиней, индеек, уток, кур и голубей?

Они сложились под воздействием «Искусственного Подбора», отбирания из поколения в поколение особей, имевших от рождения черты и признаки, полезные, или занятые для человека... методически и планомерно выбирая лишь такие особи и скрещивая их, заводчик, постепенно, методически усиливая эти признаки, мог довести их до предельно развитого состояния...

Этот «Искусственный Подбор», веками проводившийся до Дарвина, в самых различных странах и различными народами, и создал все эти причудливые формы жизни, обитателей конюшен и хлевов, курятников и голубятен, формы, столь отличные от их привольных диких родичей, или родоначальников.

Но в основании всех этих изменений одомашненных пород животных укрывается помимо всех технических приемов, или методов, одна определяющая, движущая ими сила, именуемая «*пользой*».

Пусть условна-относительна эта полезность в ряде случаев, она, эта полезность, этот утилитаризм скотного двора и голубятни, вот, что заселило их причудливым четвероногим и пернатым населением, приведшим к небывалому развитию промышленности Англии.

Из множества вариаций, свойств и признаков заводчик выбирает лишь немногие, созвучные его потребностям и прихотям, уничтожая все, не отвечающее его нуждам, или идеалам.

Эти идеалы, вкусы, прихоти, потребности и нужды человека наложили свою руку на породы одомашненных животных, скристаллизовались в них, этих животных, независимо от пользы этих изменений для самих животных. В результате — итальянские «вечно-несущиеся» куры, потерявшие инстинкт наседок; петухи с саженными хвостами; голуби, летающие «кувырками» через голову, утки и гуси, или двигающиеся от жира.

Польза, польза и еще раз **польза**, для владельца-человека, вот, что вещно воплотилось в этих одомашненных живых гротесках, представляющих собой апофеозы, торжество «утилитарного принципа».

Такова та вещная и методологическая база, послужившая для **Дарвина** основой и разбегом для разгадки эволюции животных, обитающих на воле, при естественных условиях.

И снова, и опять, как стоя некогда на островах Галапагосского Архипелага, **Дарвин** устремляет взоры вдаль, но не на фауну только одного материка, а на весь мир живых существ, на всю привольную Природу в нескончаемом ее многообразии.

От голубятни Дауна и ее воркующих пернатых обитателей он перекидывает мост к природе в целом и охватывает общим взглядом грандиозные картины жизни на бескрайнем протяжении в пространстве и во времени.

От величавых сцен тропического мира, так недавно посещенного, до микрокосма жизни в капли придорожной лужи, от теперешних картин природы под различными широтами и до воображаемых в былые давние геологические эры **Дарвин** мысленно пронизывает этот нескончаемый поток, этот бездонный океан пульсирующей жизни и приходит к грозно обобщающему выводу.

За мнимо безмятежными картинами Природы, бабочкой, порхающей над купами цветов, за пением птиц и шепотом листьев, за блеском рыбьей чешуи над всплеском вод, за кликом чайки над рекой и реющей по небу ласточкой **Дарвину** чудится извечная, неумолимая и неустанная борьба, соперничество, конкуренция, «война всех против всех» в объеме, о котором никогда не снилось самым яростным защитникам войны, насилия и гнета, от Тимура и до Гоббса...

Борются животные активно, яростно за каждый клочок земли, за каждый пищевой кусок, пассивно борются растения за каждый миллиметр почвы, каждый луч, пробившийся через узор листвы...

И в этой нескончаемой борьбе, которая устами русского философа была отмечена как «Мировая Травля», выживают только от рождения более призванные к жизни, больше, лучше, ярче одаренные.. более чуткие, более хищные, более сильные, более прыткие, выносливые, невзыскательные, все же остальные погибают в жизненной борьбе.

Напрасно ежечасно и ежесекундно щедрою рукою разбрасываются Природой мириады зарождающихся жизней семенами, яйцами, икринками, переполняющими почву, воздух, водоемы... Тщетно борются, оспаривая друг у друга каждый вздох, глоток, каждую пядь земли живые существа..

«Многие званы, мало избранных!» звучит суровый приговор Природы и лишь этому жестокому соперничеству, этой неустанной и незримо протекающей борьбе за право жизни и существования весь мир живых существ обязан совершенством, ибо выживают только совершенно приспособленные к жизни, отмечают-ся и погибают все непризванные к жизни.

Такова природа Дарвинового объяснения характерного, свойства всех живых существ, их приспособленности к окружающей среде, каждого органа к работе, функции, им выполняемой.

Достоиню жизни лишь прошедшее через горнило жизненной борьбы.

Нетрудно видеть, что в основе этого учения лежит все тот же деспотический критерий, что руководил Искусственным Подбором: **польза, польза** и еще раз **польза**, но уже не польза человека, а полезность для самих животных и растений, преимущества, даваемые, облагаемые ими в жизненной борьбе.

В известном смысле вся Природа представляется во мнении Дарвина, как некое подобие политико-экономической системы государства, как смотрели на нее политико-экономисты Англии времен Адама Смита, Бентама и Мальтуса.

«Высшее благо наибольшего количества людей!» — к такому лозунгу не уставали призывать сторонники этой экономической системы, полагая, что чем меньше вмешиваются правительства и государства в интересы и занятия, в свободу инициативу граждан, тем скорее обеспечится их благоденствие.

Меньше опеки, меньше всякого вмешательства в свободу выбора и род профессии отдельных членов общества! Больше доверия здоровым силам творчества в борьбе и конкуренции и предоставленные своим силам и себе, люди скорей достигнут благоденствия, чем при ведении их на помочах преград и поощрений, пошлин или привилегий.

«Laissez faire, laissez passer!» — Предоставьте дело собственному ходу, творческим здоровым силам самого народа и Вы большего достигните, чем близоруким менторством со стороны и свыше!

Так когда-то ратовали близорукие политико-экономисты стилия Бентама и Смита, не догадываясь об анархии, неотвратимой при политике такого рода, воцарении самого грубого, разнузданного произвола гнета и эксплуатации немногих «сильных тунеядцев» над бессильной массой тружеников и рабов.

«Laissez faire, laissez passer; la nature va d'elle même!» — явно и скрыто повторяли и натуралисты, современники Бентама и Адама Смита, глядя на природу взорами последних, видя в ней, в Природе, грандиозное экономическое целое ...

Известно, как охотно Дарвин говорит об «экономии природы», разумея под последней тонкую зависимость живых существ не только от влияния мертвой окружающей природы (климата и почвы), но и от других живых существ в их сложных связях и соотношениях.

И в этом смысле вся теория великого ученого, весь Дарвинизм, нам рисуется как приложение политико-экономических концепций к изучению живой природы.

Таковы источники и корни знаменитого учения **Дарвина** о «выживании более приспособленного в жизненной борьбе»:

- A. Наблюдения живой природы под открытым небом.
- B. Методика искусственного улучшения одомашненных животных.
- C. Принципы «Утилитаризма».

И в итоге этого тройного синтеза — раскрытие грандиозного процесса повсеместно и незримо властвующего в Природе и ценой неисчислимых жертв построившего царство изумительной гармонии, нас поражающей в каждой летучке семени, в каждой чешуйке бабочки, в каждой пушинке птички...

Такова концепция Природы, созданная на основе трех ингредиентов: Плавание на «Бигле», скотоводческих триумфов Бакуэлей и апостола идеи утилитаризма — Бентама.

«**Бигль**», **Бакуэль** и **Бентам** — таковы три предпосылки, три источника Теории «Естественного Подбора» **Дарвина**. Они определяют сильные и слабые аспекты, или стороны этой Теории, ее достоинства и недостатки, или, говоря точнее, узкие места, особенно доступные сомнениям и критике.

Начнем с последней.

Основная методическая установка **Дарвина**, его исходная позиция, как «утилитариста», опирается о два момента:

- A. **Аналогию между Искусственным Подбором и Естественным.** (Сравнение «выбора», производимым человеком с выбором, предполагаемым со стороны природы.)
- B. **Оперирование с понятиями «пользы» и «полезности»** (Сравнение «полезных» уклонений у животных и растений, обитающих на воле и в искусственных условиях).

Но каждому из этих пунктов мыслимы сомнения и критика.

Легко понять, что «польза» в представлении голубевода и «полезное» для дикого, лесного голубя — не то же самое.

Не в том элементарном смысле, что полезное для человека может и не быть полезным голубю (как необходимый зоб у дутыша, или «кувыркание» на лету у турмана..), но в том обычно забываемом смысле, что для причисления к «полезному» в оценке человеком нет пределов для минуциозности и самодурства, а для голубя лесного, дикого, эти пределы существуют.

Ибо, соглашаясь, что для мчащегося в небе голубя, преследуемого соколом, спасение зависит от мельчайших преимуществ в силе мышц или сосудистой системы (как у призового скакуна..), считать, что такова же «жизненная» ценность небольших отличий в оперении, ее окраске и рисунке, вряд ли обосновано.

Но именно такими ультра-мелкими деталями, лишенными витального (необходимого для жизни обладателя) значения, обычно отличаются взаимно близкие виды и разновидности.

Иначе говоря: Приравнивая с точки зрения «полезности» черты и свойства **диких и домашних** форм животных и растений, забывают, что для первых слово «польза» принимается нередко более, чем субъективно (в смысле прихоти, причуды, самодурства..) для вторых же — должная оценка «пользы» и «полезности» оправданы лишь **объективно**, в смысле подлинной оправданности признака и свойства в жизненной борьбе.

Это — во-первых; двухметровый «хвост» японских петухов «полезен» для японских куроводов, или экспортеров этих птиц, поскольку ценность их определяется «померовой» длиной хвостов.

Расценивать подобным образом полуметровый хвост у дикого фазана («королевского») живущего в лесах Китая, было бы рискованно.

Различную длину первостепенных маховых у некоторых пролетных птиц пытались сопоставить с разной продолжительностью (дальностью) пролетного пути.

Но что сказать об оперении нашего **болотного** Луны, истрепанном под осень в такой степени (как следствие оббивания пера о камыши..), что от первостепенных маховых нередко сохраняются одни лишь стержни с жалкими следами опахал.

Короче говоря: границы применения «утилитарного» принципа, этого решающего рычага «Теории Подбора», вот, что было и доселе остается самым скользким и сомнительным моментом в грандиозной аналогии **Искусственного и Естественного** подбора.

И учитывая даже роль и ценность ряда вспомогательных теорий (как «прямого» действия среды, «соотношения признаков») не говоря уже о самом спорном пункте Дарвинизма, именно «Подборе Половом», следует признать, что основная трудность аналогизации обоих названных процессов сводится к вопросу о пределах приложимости «утилитарного принципа» в Биологии.

Другой, более скрытый и поэтому гораздо более опасный пункт сомнений: применение в «Искусственном подборе» наряду с выскливанием и суммированием мелких индивидуальных уклонений и при том в пределах особей **той** же породы, или расы, **скрещивания** неблизко родственных пород и даже совершенно разных рас, различных по природе и по месту их происхождения.

Достаточно напомнить знаменитые Мичуринские помеси груш **Провансальской** (с Южной Франции) и **уссурийской-дикой**, двух сортов, взаимно разделенных всей громадой европейско-азиатского материка.

Легко понять, что ожидать подобных же «экспериментов» при естественных условиях, т.е. гибридизации животных, обитающих на двух противоположных отдаленнейших окрайных Палеарктики, конечно, не приходится....

Но каковы бы ни были отдельные сомнения по частным пунктам Дарвинового учения, решающий и основной итог всего культурно-исторического подвига, содеянного **Дарвиным** был подведен еще при жизни величайшего биолога.

Этот конечный вывод и итог великого учения **Дарвина** перекликается с началом, со вступительными, вводными словами нашей лекции.

Как ни слагались бы успехи будущей науки вообще и Биологии в отдельности, какие новые открытия, идеи, факты, доводы и доказательства не ожидали бы нас в будущем, какие новые аспекты, или горизонты не сулило бы нам будущее, — **никогда** культура человечества не возвратится к детскому, наивному воззрению на Природу и на человека в направлении буквального истолкования библейских мифов, к представлению о недвижности Природы, неизменности ее в прошедшем, или в будущем.

Но еще более неопределимым для культуры человечества рисуется другое наше убеждение, сложившееся также на основе Дарвинового подвига, наша уверенность, что никогда культура человечества не примирится с умственной опекой в стиле Атаназияса **Кирхера**, что сбросив вековые тяжкие оковы лжи и суеверия, познавши на страницах Дарвиновой книги обаяние честного и подлинного зова к Истине, мысль человечества, и еще больше его нравственное чувство никогда не примирится с умственным насилием и гнетом.

В этом смысле имя **Дарвина**, как величайшего биолога, останется навеки ярким и немеркнущим великим символом **борьбы людей за интеллектуальную свободу**.

Конспект лекции на тему: «Величайший биолог — Чарльз Дарвин».

(-Основы Дарвинизма-)

Две Книги — каждая большая редкость, Обе знамениты — каждая по своему.

Вы спросите: Кто авторы этих обеих книг? И что это за книги, порожденные одна великим знанием, другая — узаконенным невежеством?

Мы начинаем с книги, посвященной планомерному обману.

Перед нами книга трехсотлетней давности.

Внешность — Содержание: Само заглавие. — Подзаголовки. Посвящение — Иллюстрации текста — Рисунки и таблицы.

«Сад эдемский» — Строит, чертежи ковчега — Ковчег — в вертикальном сечении, — Посадка в ковчег: —

Обсуждать критически все эти иллюстрации не приходится. Глупость и бездарность иллюстраций слишком велика.

Недостаточность улыбки и иронии: уместность возмущена и гнева: не **глупостью**, а **глупостью** овеяны эти страницы для знакомого с историей умственной культуры и ее мартирологом.

Поводы этому двоякие:

Набирались Кирхеровы бредни в пору, когда человечество уже имело гениев, подобных Кеплеру и Гал. Бэкону, Спинозе и Декарту, в пору, когда **Ньютон** уже осознал законы **тяготения!**

Книга К. пощечиной по интеллекту Западной Европы.

Но еще более ударом кулаком в лицо Европы с т. зр. нравственного чувства.

Книга К. порождена не только глупостью и суевением. Имеют книги свои судьбы! но при условии свободной конкуренции отходных «книжных шлаков» и «жемчужин».

— «Не любо не слушай — врать не мешай!» — **не** то в вопросах умственной культуры в жизни целого народа на известных рубежах его истории. — **Кто автор этой книги?**

Представитель самой гнусной и воинствующей касты угнетателей духовной умственной культуры: основной девиз: — не только принуждать людей слушать то, что им «не любо», но и исповедовать задушемую ложь. Тюрьмой и пыткой добивались и добились трупной и непререкаемой покорности, железом и огнем выпалывая все инакомыслящее. **Костры пылали** и на фоне их зловейших отблесков фантазии и бреда Кирхера теряли свою кажущуюся невинность: вынуждаемая глупость превращалась в **гнусность**, ложь — в заведомое преступление.

Книга **Кирхера** — ярчайший образец научного обскурантизма морального убожества, нагляднейшая иллюстрация того, **чем** может стать наука и культура для людей предвзятой мысли и кастрированной совести.

Одна — как плод великого ума, другая — вел. безумия.

Две книги: одна — рожденная великим гением, другая — беспримерным шарлатаном. — Там — проникнутая жаждой истины, здесь — лицемерием. Там — обращение к разуму, здесь — суевению.

Переводим взгляды на вторую книгу. Громадная библиографическая редкость: Переворот в науке и в Истории научного мировоззрения. Оценить всего проще, сопоставив с книгой Ат. **Кирхера**. — Нелегко вообразить отличия, более резкие.

Там утверждение **незыблемости** мироздания, здесь его **текучести**.

Там — кат. **приказ**: принята на веру догматические утверждения.

Здесь у Дарвина: стремление **убедить** читателя в разумности и уважительности приводимых доводов и расе.

Там — полное презрение к читателю, к его духовной, личной индивидуальности, здесь — полная готовность автора прислушаться к сомнениям читателей, стремление сделать их судьей и критиком воззрения, проводимых автором.

Там — мертвая, мертвящая застылость мысли.

Здесь — бескрайные просторы творческой сменяющейся мысли и свободы человеческого разума!

В чем эта освежающая мысль, брошенная Дарвиным в культуру человечества и где причины или факторы, содействовавшие такому небывалому его успеху?

В чем изменились внешние условия культуры, экономики и быта Запад. Европы, допустившие возможность замещение книги католического изувера Дарвиновой книгой?

Три обстоятельства содействовали появлению книги Дарвина в середине прошл. столетия но оценить их можно только сопоставив время Дарвина с предшеств. эпохой и коснувшись **трех** ближ. выдающихся предшественников Дарвина.

Начнем с **Бюффона** — самого типичн. натуралиста XVIII-Века:

Как ни пытался сам Б. маскировать свои свободомысл. взгляды благовидными, благочестивыми заставками — они не в силах были уберечь от сыщицкого взора иезуитск. Цензоров.

Могучее лишь свиду, сильное союзом с корол. властью церковь была слишком, слаба, чтобы не бояться сноб. науки.

Ламарк. Научно-философск. труду которого доставили ему только горя из-за чрезмерного внимания ...Бонапарта.

Более, чем вероятно, что за властным окриком Наполеона укрывалось мнение великого тогд. законодателя науки — именно **Кювье**. Величайший классик эмпар. знания — ген. карьерист Кювье объединился с Бонапартом взглядом на служебное значение Религии. — «Сюрту не тушэ па ма — библе!»

Как и тяжки были эти цепи, налагавш. на свободу мысли светской и духовной властью — еще тягостнее и обиднее ложилось на свободу знания оковы, налагавшиеся **самой наукой**.

Причина этому: **Централизация** всей умствен. духовной жизни в Париже отвечала **Монополизация** научных знаний в Академии Наук: Словно предостерегая от осуществления Конторского идеала о создании ареопага управителей и цензоров научной мысли — Франция времени Наполеона и его преемников в широкой степени приблизилась к этому состоянию — «Католичество без христианства».

Только этим гнетом **Академии** возможно объяснить молчание с кот. встретили во Франции идеи Эволюции.

Что это так — судьба **Сент-Иллера**.

Таковы три неудачных выступлений трех предшественников **Дарвина**.

Деспотия светской власти — тирания церкви — гнет Акад. Науки

Таковы три основных преграды, три культ. полит. «**шлагбаума**» одолеть которые бессильны были три предшественника Дарвина.

Тем необходимее отметить, что в отличие от Франции, XVIII Англия эпохи Дарвина не знала этих политических барьеров.

Англиканские епископы при всей церковн. их ортодоксальности **не** предъявляли ультиматумов ученым, «Век Викторий» не походил на «Век Людовика XVI-ого и Наполеона» и вел. дарвинист, союзник Дарвина

мог, защищая Дарвина от безастенпадок на него французск. академиков воскликнуть: «Слава Богу, что у нас в Англии **нет** Академии!»

Это **не** значит что ко времени издания Дарвиновой книги не имелось в Англии враждебных голосов: известно, каким яростным нападкам подвергалась эта книга Д. среди церковников и части примыкавших к ним ученых: но **война велась идейными**, а не **физическими** средствами. И запретить печатание книги Дарвина или ее распространение лишь потому, что ее взгляды расходились с общепринятыми было абсолютно **невозможно**.

Но имелись три дальнейших обстоятельства, прямым путем содействовавшие возникновению и успеху Дарвиновой книги:

И причины эти коренились столько же во **вне**, как и в самом характере и дарованиях **Чарльза Дарвина**.

Причины внешние: лежали в **политических, общественных, экономических** условиях тогдашней Англии, жизнь которой развивалась в разбираемую пору под **тройким** лозунгом:

- I. **Развитие Капитализма** — перехода сельского хозяйства и промышленности на начала крупной индустрии.
- II. Усиления **Империализма** — расширения колоний и борьбы за мировые рынки, и как следствие и предпосылка этих двух условий:
- III. выдвигание учения **Утилитаризма**, — специфически английского подхода к пониманию общественных явлений и научных истин с точки зрения ближайшей их «полезности».

Можно уверенно сказать, что только на основе этого тройного сочетания: Империализма, Утилитаризма и Капитализма Англии могло сложиться величавое учение **Чарльза Дарвина**.

Влияние **Империализма** — экспансии Англии в заокеанских странах. Организация «Разведочных» «исследовательских экспедиций» — Снаряжение «**Бигля**», ставшей в положение «Плавучей колыбели Дарвинизма.»

И однако решающим условием были личные свойства молодого Дарвина. — Краткая Биография. —

Главнейшие моменты прославленного плавания **Дарвина**.

Три явления живой природы посещенных стран.

1. Явление **сменяемости** смежных фаун
2. **Связь вымершей и современной Фауны** той же местности
3. **Фауна Галапагосского Архипелага**.

Три открытия — три ответа. Лишь потому, что не в пример предш. **Дарвин** обратился не в Музеи, библиотеки, не к книге, а к самой природе. И опрошенная непосредственно, в упор, она не скрыла своего ответа и доверила его открытому уму и сердцу молодого энтузиаста.

Оставляем в стороне вопрос о времени и месте **генезиса** эволюционного учения в уме Дарвина, как и места и времени зарождения объясняющей Теории.

Известно, что сам **Дарвин** взял исходной точкой отправления — взял ту область фактов и явлений, от которой отворачивалось большинство ученых.

Он переводит взгляд на те причудливые существа, которые явились незадолго перед тем явились как продукт стремительно роста и развития промышленности Англии.

Учение об Искусственном подборе — как отображения возросшего **Капитализма** Англии.

Учение об Естественном подборе, как отображения Теорий **Утилитаризма** Бентама.

Основные тезисы этой идеологии: Ложные по существу, они явились плодотворными для **Дарвина**.

От голубятни Дауна и ее пернатых обитателей к природе в целом на громадном протяжении в пространстве и во времени.

За мнимо безмятежными картинами Дарвину чудятся извечная и неустанная борьба в объеме, о которой и не снилось самым яростным защитникам ее от Гоббса до Тимура.

Такова суровая природа — сущность Дарвинового объяснения: В основании концепция о **пользе и полезности**.

Известно, как охотно Дарвин говорит об «Экономии Природы», разумея под последней тонкую зависимость живых существ не только от природы мертвой но и от других живых существ, в их сложной связи и соотношениях.

Таковы **три** основных источника Теории естественного Подбора Дарвина, как синтеза **трех** глубоко различных методов познания и творчества:

А. Наблюдения Живой Природы под открытым небом.

В. Методов Искусственного разведения одомашненных животных.

С. Философского принципа **Утилитаризма**.

А в итоге: утверждение грандиозного процесса приводящего к столь изумительному совершенству органического мира.

Такова концепция природы, созданная на основе **трех** ингредиентов, трех слагаемых: **Бигля, Бэкуэлла и Бэнтама**.

Никогда культура человечества не возвратится к детскому наивному воззрению на природу и, на человека в направлении буквального истолкования библейских мифов.

Никогда культура человечества не примирится с умственной опекой в стили Атаназиуса Кирхера.

Познавши на страницах Дарвиновой книги обаяние подлинного зова истины мысль человечества и еще больше его нравственное чувство никогда не примирится с умственным насилием и гнетом.

В этом смысле **имя Дарвина**, как **величайшего биолога**, останется навеки **ярким и немеркнущим великим символом борьбы за интеллектуальную свободу**.

На этом можно было бы закончить, если бы не исключительность переживаемого времени, еще стоящего под знаком мировой войны и породившего ее **двойного великого обмана**.

Два извращения Дарвинизма:

Фашистская лже-теория расизма и попытка оправдания агрессивных войн ссылками на Дарвинизм.

Разоблачение обоих измышлений.

Единство человеческого вида и бессмысленность.

Иллюстрации к статье № 5: «Величайший биолог — Ч. Дарвин»

-
1. Две книги
 2. Портреты Атаназиуса Кирхера и Чарлза Дарвина
 3. Заглавный лист Кирхеровой книги

4. **Иллюстрации:** «Сад Эдемский» и другие
5. Внутренность «**Ковчега**»
6. Загон животных в Ковчег
7. Сцена **Потопа**.

Книга Ч. Дарвина

Бюффон —

Заглавие его книги.

Пример «Заставки»

«Отречение Бюффона»

Ламарк. — Его книга (в подлинники)

Аудиенция у Наполеона. (Езучевского)

Ж. Сент-Иллер. —

Ж. Кювье.

Спор Сент-Иллера и Кювье в Парижск. Академии Наук

Овсянка и синичка под Москвой

Они же в Юго-Зап. Сибири.

Архипелаг Галапагосский. Дарвин и Черепахи (Вариант)

Геоспицы по коллекциям Дарв. Музея

Дарвин за раскопками (Вариант картины Езучевского)

Английский скотный двор: Отдельные Породы

Дарвин у голубятни. — **Дарвин** — за вычислением

Королевский Фазан и Японский Петух